



фото: Wikimedia Commons/PD

Альберт Эйнштейн. Около 1920 года.

В британской Википедии и в ряде других источников говорится, что на этом фото изображён Эйнштейн в своём кабинете в Берлинском университете. Ошибка! У Эйнштейна не было никогда своего кабинета, или бюро, в Берлине, кроме его квартиры на Хаберланд штрассе. Даже став директором Института физики Общества имени кайзера Вильгельма, он всю директорскую работу проводил из дома. После знаменитого colloquium в 1926 году с докладом Вернера Гейзенберга о квантовой механике Эйнштейн пригласил его для разговора домой, а не в свой «офис в университете», как было бы логично, — ведь colloquium в университете и проходил. Об этой беседе после colloquium Вернер Гейзенберг вспоминал в книге «Часть и целое» (см., например, Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. Пер. с нем. — М.: Наука, 1990, с. 191. См. также «Наука и жизнь» № 4, 2019 г.).

ПРОФЕССОР ЭЙНШТЕЙН РАСПРОСТРАНЁННЫЕ ОШИБКИ ЕГО БИОГРАФОВ

Кандидат физико-математических наук,
доктор естествознания (Германия) Евгений БЕРКОВИЧ.

Создатель теории относительности — настолько яркая и привлекательная личность, что одно его имя в названии книги, статьи или фильма гарантирует повышенный интерес к такому произведению. Немудрено поэтому, что рассказывать о жизни Эйнштейна часто берутся люди, поверхностно знакомые с предметом. По роду деятельности мне приходится читать много книг и статей об Эйнштейне, и я выработал для себя несколько простых критериев, позволяющих легко выявить авторов, чьим сообщениям нельзя верить без дополнительной проверки и чьи работы содержат неточности и ошибки.

«...В ПРИСТУПЕ КАКОГО-ТО МАЗОХИЗМА ИЛИ СЛАБОУМИЯ»

Чаще всего слабо подготовленные авторы путаются с организациями, в которых работал Альберт Эйнштейн, особенно если две из них находятся в одном городе. Например, Политехнический институт и университет в Цюрихе или Институт перспективных исследований и университет в Принстоне. Но особенно часто люди случайные ошибаются с должностью Эйнштейна в Берлине, где он проработал без малого двадцать лет. Считается, что если Эйнштейн был профессором, то непременно профессором Берлинского университета. Если я вижу подобное утверждение в книге или статье, то уверен: и в других местах жди ляпов. Исключения из этого правила редкие, и о них я ещё скажу ниже, а пока рассмотрим пару показательных примеров.

Одна из наиболее разрекламированных биографий Эйнштейна принадлежит перу Уолтера Айзексона, бывшего главы CNN и главного редактора журнала «Time». Русский перевод его книги «Альберт

Эйнштейн. Его жизнь и его Вселенная» вышел в солидном московском издательстве АСТ в 2016 году¹. Издана книга шикарно: 825 страниц на хорошей бумаге с иллюстрациями, указателями и примечаниями — все атрибуты серьёзной книги налицо. Но когда я увидел на странице 236 злополучную фразу о «профессоре Берлинского университета», то понял, что к рассказу Айзексона нужно относиться критически. Всё новые и новые примеры показывали, что автор не вдавался в подробности биографии Эйнштейна, не заглядывал в первоисточники, поэтому ошибается в деталях. Некоторые его ошибки несильно влияют на суть рассказа, другие же вводят читателя в заблуждение. Например, утверждение, что «в свои тридцать два года Эйнштейн был самым молодым участником» Первого сольвеевского конгресса 1911 года², можно отнести к простому недосмотру: участником этого конгресса был и Фредерик Линдеман, на семь лет моложе Эйнштейна. Заявление о том, что на Пятом сольвеевском конгрессе 1927 года «доклад, открывший конгресс, сделал Бор»³, показывает, что Айзексон в глаза не видел материалы конгресса и не понял принятое на нём правило: давать слово участникам создания квантовой механики в хронологическом порядке их основополагающих работ. Так что доклад Бора завершал повестку дня конгресса, а не открывал её.

Но есть и более серьёзные ошибки, сильно искажающие историю. Про близкого друга Эйнштейна Пауля Эренфеста Айзексон пишет: «молодой физик из Вены еврейского происхождения,

¹ Айзексон Уолтер. Альберт Эйнштейн. Его жизнь и его Вселенная. — М.: АСТ, 2016.

² Там же. С. 223—224.

³ Там же. С. 435.

который преподавал в Петербургском университете»⁴. Это явная неправда. В Петербургском университете Пауль не преподавал ни дня. Трагедия Эренфеста в Петербурге в том и состояла, что он никак не мог найти себе место работы. Он сдал трудные магистерские экзамены, но диссертацию на звание магистра так и не подготовил. Два семестра, пока его не уволили, он преподавал в Политехническом институте, где работал его друг Абрам Фёдорович Иоффе. Но о преподавании в Петербургском университете оба могли лишь безнадежно мечтать. Поездка по европейским странам в поисках работы тоже окончилась для Эренфеста неудачей. И только неожиданное приглашение из Голландии заменить Хендрика Антона Лоренца в качестве профессора Лейденского университета оказалось спасением после долгих восьми лет безработицы. Более подробно об этом периоде жизни Пауля Эренфеста можно прочитать в моей статье «Гёттинген на берегах Невы» (см. «Наука и жизнь» № 9, 2021 г.). Перечень таких неточностей в книге Айзексона можно продолжить. Но ещё более выразительно выглядят ляпы в другой биографии Эйнштейна, вышедшей в популярной серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия»⁵.

В «Основных датах жизни и творчества А. Эйнштейна» автор его биографии в серии ЖЗЛ утверждает: «1914, апрель — переезд в Берлин; Эйнштейн занимает должность профессора Берлинского университета и пост директора Физического института имени кайзера Вильгельма»⁶.

«Профессорский критерий», как мы видим, и тут сработал, причём сразу можно собрать целый букет ляпов. Именем кайзера Вильгельма с 1911 года назывался не какой-то отдельный институт, а Общество, объединяющее целую сеть научно-исследовательских институтов, финансируемых, с одной стороны, государством, а с другой, частным бизнесом. Планируемый для Эйнштейна Физический институт тоже входил в это Общество, но он был создан только в 1917 году, так что занять пост директора в 1914 году Эйнштейн никак не мог. Но это, так сказать, цветочки, ягодки начинаются, когда Максим Чертанов приступает к рас-

сказу о том, как после прихода нацистов к власти Эйнштейн расстался со званием академика: «В первый же день он принялась связи с Германией. Паспорт сдал в немецкое консульство в Бельгии. В Прусскую и Берлинскую академии написал о своей отставке»⁷.

Вот так, значит. В обе академии послал письма. Чтобы читатель не подумал, будто автор оговорился, Чертанов далее уточняет: «Берлинская академия обвинила его в „антигерманской деятельности“... То же сделала и Прусская академия, только жёстче: его назвали „агитатором“ и заявили, что не сожалеют о его отставке»⁸.

Автору невдомёк, что в то время в Берлине была только одна академия — Прусская академия наук, до 1918 года имевшая ещё уточнение «Королевская». Берлинской академия стала уже после Второй мировой войны, когда оказалась на территории ГДР. После объединения Германии академия с 1992 года стала называться Берлин-Бранденбургской. Напомню, что в отличие от многих стран в Германии несколько региональных академий, а не единственная государственная.

Вообразить, что Эйнштейн переписывался с несколькими берлинскими академиями, мог только полный невежда, не имеющий никакого понятия о научном ландшафте Германии до Второй мировой войны. Кто же этот необременённый знаниями автор биографии Эйнштейна, удостоенной чести появиться в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей»? Интернет подтверждает, что

⁴ Айзексон Уолтер. Альберт Эйнштейн. Его жизнь и его Вселенная. — М.: АСТ, 2016. С. 221.

⁵ Чертанов Максим. Эйнштейн. — М.: Молодая гвардия, 2015.

⁶ Там же. С. 392.

⁷ Там же. С. 268.

⁸ Там же.

⁹ Вручение Максиму Чертанову (Марии Кузнецовой) премии «Просветитель». Церемония награждения лауреатов премии «Просветитель». — Москва: 2013 г. <https://www.youtube.com/watch?v=-r14ld0XWtE>.

¹⁰ Гуреев Максим. Альберт Эйнштейн. Теория всего. — М.: АСТ, 2017.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Там же. С. 105.

в писательском деле он человек опытный — им написано с десяток биографий знаменитостей, опубликованных в той же серии ЖЗЛ, он пишет и фантастику, и плутовской роман. Его пьеса поставлена в Московском Художественном театре им. А. П. Чехова, ждут очереди другие постановки. За биографию Дарвина Максим Чертанов удостоен в 2013 году премии «Просветитель»! На церемонии вручения этой почётной награды произошла небольшая сенсация: вместо ожидаемого Чертанова на сцену в буквальном смысле вползла на колёнях (согласно элементу... японского церемониала) симпатичная женщина, представившаяся Машей Кузнецовой. Оказывается, Максим Чертанов — её псевдоним. В своём выступлении на церемонии награждения Маша призналась, что, приступая к биографии Дарвина, помнила из биологии только «что-то про тычинки». Это не помешало Маше получить престижную премию за биографию человека, имевшего к биологии прямое отношение. Развивая успех, Маша призналась: «в *приступе* *какого-то* *мазохизма* *или* *лабоумия*» (её слова) она взялась за биографию Эйнштейна⁹.

Стоит ли удивляться указанным ляпам, если автор берётся за биографию творца теории относительности, разбираясь в физике и истории науки на уровне тычинок в биологии? Вот за серию ЖЗЛ и премию «Просветитель» обидно, такие удары по репутации оставляют следы надолго!

Ещё один пример, подтверждающий мою гипотезу, — книга Максима Гуреева «Альберт Эйнштейн. Теория всего», изданная издательством АСТ в 2017 году¹⁰. В выходных данных указаны десять сотрудников издательства, трудившихся над книгой: от заведующей редакцией до корректора, но это не спасло её от множества ляпов.

Автор книги Максим Гуреев — писатель и филолог с хорошим образованием: за его плечами филологический факультет МГУ и Литературный институт (семинар прозы А. Г. Битова). Он не только писатель, но и режиссёр документального кино, создавший более 60 картин. Удивительно, но самому работать с документами его не научили. Обратимся к его книге.

Прежде всего проверим автора указанной книги по «профессорскому критерию». Вот, по его словам, чем занимался Эйнштейн в Берлине: «В 1913 году по рекомендации Макса Планка Альберт Эйнштейн возглавил физический исследовательский институт Берлина, а также был зачислен профессором в Берлинский университет»¹¹.

Эта фраза говорит об авторе столько, что дальше книгу можно не читать. Не было в 1913 году никакого «физического исследовательского института Берлина» (название-то какое — оцените!). Так что возглавлять Эйнштейну в тот год было нечего. Ему пообещали только в будущем создать Институт физики в рамках Общества имени кайзера Вильгельма, который действительно был создан в 1917 году. И не было зачисления профессором в Берлинский университет. Так говорить может только человек, не представляющий даже отдалённо, как проходило назначение на профессорские должности в университеты Германии, Австрии и Швейцарии в то время. В 1913 году Эйнштейна приняли в члены Прусской академии и назначили на должность профессора академии (таких должностей было две — одна в отделении, или классе, физико-математических наук и одна в отделении историко-филологических наук). Должность профессора академии давала право читать лекции в университете, но никаких обязанностей профессора университета у неё не было. Это разные должности.

Итак, тест на знание предмета Максим Гуреев позорно провалил. Поэтому не удивительно, что ляпы в книге посыпались один за другим. Отметим некоторые из них.

Научный конгресс в Зальцбурге, на котором Эйнштейн впервые выступил перед коллегами, состоялся в 1909 году, а не в 1908-м, как утверждает Гуреев¹².

Очный поединок Эйнштейна и Ленарда состоялся на конференции в Бад-Наухайме в 1920 году, а не на «одной из лекций в Киле»¹³. В Киле профессор Ленард читал лекции с 1898 по 1907 год. Эйнштейна в это время в Киле не было и о посещении им лекций Ленарда не может быть и речи.

В книге Гуреева приведена известная фотография, под которой он оставил

подпись: «Эйнштейн разговаривает с профессорами из Принстона»¹⁴. На самом деле на фотографии 1933 года — Эйнштейн и один «профессор из Принстона» — математик Лютер Эйзенхарт, третий на фото — Вальтер Майер, ассистент Эйнштейна, приехавший вместе с ним из Европы. Героев своей книги хорошо бы знать в лицо!

Совсем смешная путаница царит в приложении к книге, названном «Даты жизни». Если верить Гурееву, то Эйнштейн в 1894 году «в декабре покидает гимназию, не окончив её, и едет к семье в Милан», а в 1896 году «семнадцать лет покидает Вюртемберг»¹⁵. Интересно, когда же, по мнению Гуреева, Эйнштейн снова оказался в Вюртемберге? Максим Гуреев должен был бы написать, что в 1896 году Эйнштейн получил отказ от вюртембергского гражданства, но по невежеству своему написал явную глупость.

В тех же «Датах жизни» утверждается, что в 1907 году «соискание докторской степени отклонено Бернским университетом, поскольку диссертация была признана неудовлетворительной»¹⁶. Судя по всему, Гуреев не очень понимает, о какой диссертации идёт речь, ибо строчкой выше он написал: «в середине января 1906 года Цюрихский университет присваивает Эйнштейну докторскую степень»¹⁷. Во всяком случае, читателю автор не объяснил, что речь идёт о разных диссертациях. При этом и формулировка Гуреева о бернской диссертации неверная.

В Берне в 1907 году была попытка получить звание приват-доцента без защиты второй докторской диссертации. Бернский университет не отклонил защиту диссертации, так как Эйнштейн никакую диссертацию тогда не прислал, а отклонил попытку Эйнштейна получить звание «по совокупности работ». Поэтому заявление, что «диссертация была признана неудовлетворительной», не соответствует действительности.

Неверную информацию о профессорстве Эйнштейна можно встретить даже на официальном сайте Берлинского университета имени Гумбольдта. Там, в частности, говорится: «В 1914 году Макс Планк сумел убедить Альберта Эйнштейна стать членом Прусской академии наук в Берлине, и 1 апреля 1914 года Эйнштейн

был назначен директором Института физики Общества им. кайзера Вильгельма. С летнего семестра 1915 года до зимнего семестра 1928/29 он читал лекции в Берлинском университете»¹⁸.

Тут есть мелкие ошибки и большое лукавство. Макс Планк сумел убедить Эйнштейна и членов Прусской академии и наук не в 1914-м, а в 1913 году. Это мелочь. Более грубая ошибка связана с Физическим институтом общества кайзера Вильгельма. Эйнштейн стал его директором только 1 октября 1917 года. Эту должность ему обещали ещё в 1913 году, но денег на создание института у государства не было, пришлось ждать почти четыре года.

А с 1 апреля 1914 года он вступил в свою основную должность в Берлине. Тут и начинается лукавство: эта должность не называется. Эйнштейн помимо звания академика стал профессором Прусской академии наук. Думаете, почему об этом не говорится? Чтобы создать у наивных читателей представление, будто Эйнштейн был профессором Берлинского университета. И далее идёт фраза, окончательно убеждающая доверчивого читателя: якобы Эйнштейн пятнадцать лет читал лекции в этом самом университете. Это тоже лукавство, причём сознательное. Эйнштейн как академический профессор получил право читать лекции студентам университета, но фактически этим правом не пользовался, предпочитая развивать теорию. Участие в научной жизни он принимал активное — семинары, конференции, симпозиумы и т. п. Но регулярного чтения лекций студентам избегал — не его это было дело.

Спрашивается: зачем на официальном сайте университета наводят тень на плетень, распространяя ложную информацию? Очень просто: Эйнштейн — это

¹⁴ Гуреев Максим. Альберт Эйнштейн. Теория всего. — М.: АСТ, 2017. С. 144.

¹⁵ Там же. С. 375.

¹⁶ Там же. С. 377.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Albert Einstein. Humboldt-Universität zu Berlin. [В Интернете] 04 августа 2014 г. [Цитировано: 30 марта 2022 г.] <https://www.hu-berlin.de/en/about/history/nobel-laureates/einstein>. (Перевод здесь и далее, если не оговорено иное, мой. — Е. Б.)

лучшая рекламная приманка любого бизнеса. Это первым понял ещё Хаим Вейцман, взяв Эйнштейна с собой в Америку собирать деньги на Еврейский университет в Иерусалиме. И сегодня деятели Берлинского университета используют его имя для привлечения студентов — ведь чем больше студентов, тем богаче университет. Ничего личного, только бизнес!

КАК СТАТЬ ПРОФЕССОРОМ УНИВЕРСИТЕТА?

В Германии XIX и первой трети XX веков, как, впрочем, и в других странах Европы, стать профессором университета означало достичь вершины карьеры научного работника. В отличие от других университетских должностей полный, или ординарный, профессор являлся высокопоставленным государственным служащим со всеми привилегиями, ему положенными.

Европейские университеты традиционно пользовались относительно большой свободой и независимостью от государства во всём, что касалось тематики научных исследований и преподавания. В каком-то смысле они продолжали средневековую цеховую традицию своеобразных научных гильдий. И научная квалификация специалиста, и его первые шаги по карьерной лестнице тоже определялись Учёными советами соответствующих факультетов. После окончания университетского курса молодой человек, стремящийся в науку, защищал первую докторскую диссертацию (этот процесс в Германии называется «промовирен») и мог приступить к подготовке второй диссертации («хабилитацион»), необходимой для получения права преподавать студентам. До защиты второй диссертации молодой доктор слушал курсы лекций в различных университетах, участвовал в научных семинарах, работал, если повезёт, ассистентом у какого-нибудь профессора. Если вторая докторская работа получала одобрение Учёного совета, то её автор мог стать доцентом университета и сам читать лекции и вести семинары со студентами. Право преподавания по старинной университетской традиции называлось латинским термином «*venia*

legendi» и обычно оставалось за человеком, добившимся его, пожизненно.

Однако одного права преподавания оказывалось мало, чтобы получать достаточные для достойного существования деньги. В лучшем случае университет предлагал соискателю должность приват-доцента, жалование которого выплачивалось из средств факультета (главным образом из взносов студентов за обучение). Понятно, что здесь речь не могла идти ни о каком высоком или стабильном окладе. Это касалось и так называемых внештатных ординариусов, или экстраординарных профессоров, если только им в специальном порядке не присваивался статус государственного служащего. Только должность ординариуса, по другой терминологии — полного профессора, гарантировала её обладателю достойное существование в настоящем и обеспеченную старость в будущем. Но для получения такого места одного согласия университета уже оказывалось недостаточно. В назначении ординарного профессора окончательное слово оставалось за государством в лице министерства культуры, науки или образования (в разных землях существовали разные министерства, курирующие работу университетов).

Ординарный профессор являлся одним из высших государственных служащих со всеми вытекающими отсюда материальными преимуществами: высокий оклад, большой отпуск, гарантированная почётная пенсия. Профессор мог и не уходить на пенсию по возрасту, а перейти в статус почётного профессора, или эмеритуса. Профессор-эмеритус по-прежнему считался государственным служащим и сотрудником университета, только ему не требовалось непременно читать лекции и он мог вообще не ходить на службу. В любом случае его оклад оставался таким же, как в момент изменения статуса, а мог и увеличиться за счёт индексирования из-за инфляции.

В университетской иерархии профессор в своей научной области играл ведущую роль: определял тематику читаемых лекций, руководил подготовкой новых докторов наук, его мнение считалось решающим в большинстве административных вопросов на факультете. Он как бы играл роль мастера той средне-

вековой гильдии учёных, о которой мы говорили выше.

Сама процедура занятия должности ординарного профессора выглядела очень непростой. Прежде всего, если появлялось вакантное место профессора, Учёный совет факультета определял список из трёх претендентов в порядке убывающего предпочтения, и декан направлял это предложение для окончательного выбора в курирующее министерство. Там могли утвердить одну из предложенных кандидатур, а могли и отклонить весь список. Тогда процедура повторялась снова. Счастливчик, получивший звание профессора, пользовался им пожизненно.

Если мнения факультета и министерства не совпадали, то избрание нового ординарного профессора могло затянуться на несколько лет. Это не преувеличение, вот что произошло в Мюнхене в конце тридцатых — начале сороковых годов двадцатого века. Известный математик Константин Каратеодори занимал должность профессора кафедры математики Мюнхенского университета с 1924 года. Когда в 1938 году Каратеодори перешёл в статус эмеритуса, начались поиски его преемника. Министерство стремилось продвинуть на эту должность убеждённого нациста, чему сопротивлялись профессор университета, прежде всего сам Каратеодори и Оскар Перрон. В результате назначение преемника состоялось только в 1944 году, через шесть лет после того, как должность ординариуса Мюнхенского университета стала вакантной. Упорство математиков победило — наиболее одиозный ставленник министерства заветный пост не получил.

Насколько трудно преодолеть границу между приват-доцентом и профессором, можно судить по такому факту. Иммануил Кант девять лет работал домашним учителем, а затем ещё пятнадцать лет служил в должности приват-доцента, пока не получил, наконец, заветное звание ординариуса. Как однажды заметил Макс Вебер, главная особенность немецкой академической жизни состояла в том, что «многих называли, но немногих выбирали». Даже великий Давид Гильберт оставался многие годы лишь приват-доцентом (он получил это звание в 1886 году), пока не удостоился в 1893 году в Кёнигсберге звания

ординариуса, и потом, не без серьёзной поддержки Феликса Клейна, стал в 1895 году полным профессором математики Гёттингенского университета.

Еврею достичь профессорского звания было особенно трудно. Первым ординариусом-евреем, хотя и крещёным, стал в 1829 году кёнигсбергский математик Карл Густав Якоби. После него до середины девятнадцатого века в Германии не появилось ни одного профессора-еврея. Только к концу так называемого века эмансипации, продолжавшегося от Французской революции 1789 года до объединения Германии в 1871 году, евреи постепенно стали занимать места среди интеллектуальной и деловой элиты страны.

Число ординариусов-евреев во всех немецких университетах в период с 1882 по 1909 годы оставалось относительно стабильным, колеблясь между 20 и 25. В 1917 году их насчитывалось всего тринадцать, что составляло один процент от общего числа ординарных профессоров. Одинадцать университетов, включая Берлин, вообще не имели в своём штате ни одного некрещёного профессора-еврея.

Положение стало меняться перед Первой мировой войной. В 1910 году 19% всех доцентов в немецких университетах имели еврейское происхождение, тогда как доля профессоров-евреев составляла 7%¹⁹. С установлением эпохи Веймара доля еврейских учёных и преподавателей постоянно росла вплоть до прихода к власти нацистов.

Так как профессорами становятся главным образом доценты, то при отсутствии каких-то препятствующих факторов следовало ожидать, что доля профессоров-евреев должна примерно равняться доле евреев среди доцентов. Однако на деле в кайзеровской Германии этого не наблюдалось: относительное число евреев среди ординариусов постоянно оказывалось в несколько раз меньше, чем среди общего числа преподавателей. Эта разница является красноречивым подтверждением того факта, что в академической среде

¹⁹ Beyerchen Alan D. Wissenschaftler unter Hitler: Physiker im Dritten Reich. — Berlin, Wien: Ullstein Sachbuch, 1982.

²⁰ Goenner Hubert. Einstein in Berlin. 1914—1933. — München: Verlag C. H. Beck, 2005. S. 36.

всегда существовал заметный антисемитизм, хотя и не проявлявшийся в крайних формах, как в радикальных националистических партиях, но сильно затруднявший продвижение еврея по карьерной лестнице.

Так что шанса стать профессором Берлинского университета, даже если бы Эйнштейн захотел этого, практически не существовало — ведь о его крещении никогда речи не было, он открыто презирал тех, кто шёл на компромисс с совестью в вопросах веры. Кроме того, ни один сторонник версии, будто Эйнштейн был профессором Берлинского университета, не приводит подробностей процедуры его назначения: откуда появилась вакантная должность в университете? Кто, кроме Эйнштейна, стоял в списке трёх кандидатов на эту должность? Когда министерство удовлетворило заявку университета в отношении профессорской должности Эйнштейна?

Можно с уверенностью утверждать, что Эйнштейн не был профессором Берлинского университета. Да он и не стремился им стать! Эта должность по определению предполагает немалую педагогическую нагрузку: профессор университета обязан читать лекции студентам. Профессор университета по нынешним понятиям — заведующий кафедрой. Его обременяют многочисленные административные обязанности — расписание занятий, загрузка ассистентов, зарплата сотрудников кафедры и пр. Всё это, по глубокому убеждению Эйнштейна, отвлекает от главного дела, которому он служил всю жизнь, — научной работы, поиска законов природы, управляющих гармонией окружающего мира.

КАК СТАТЬ ЧЛЕНОМ ПРУССКОЙ АКАДЕМИИ?

Научные достижения профессора Эйнштейна к 1913 году стали заметными для многих ведущих учёных Берлина. Наиболее инициативные из них желали видеть его сотрудником их научных организаций. Так, знаменитый Фриц Габер в январе 1913 года уговаривал высокопоставленного чиновника министерства культуры, науки и просвещения Фридриха Шмидт-Отта организовать в

руководимом Габером Институте химии Общества имени кайзера Вильгельма специальное высокооплачиваемое рабочее место для автора теорий относительности и фотоэффекта²⁰. Габера интересовало применение в химии квантов света, введённых Эйнштейном по аналогии с квантами энергии Планка.

Идею привлечения Эйнштейна в свой институт Габер обсуждал и с коллегами Максом Планком и Вальтером Нернстом. Нернста интересовало исследование кристаллической структуры твёрдых тел с использованием рентгеновских лучей, где, по его мнению, знания и опыт Эйнштейна были бы очень полезны. И только мудрый Макс Планк считал главной задачей завершение серии работ по теории гравитации, которые Эйнштейн публиковал в последние годы. Для Эйнштейна было важным найти поддержку астрономов для экспериментальной проверки своей теории, а для контактов с астрономами лучшего места, чем Берлин, не найти.

Вскоре к трём инициаторам привлечения Эйнштейна в Берлин присоединились ещё два академика: директор Института физики Берлинского университета Генрих Рубенс и его начальник президент федерального Физико-технического института Эмиль Варбург.

В конце концов, учёные договорились о таком плане привлечения Эйнштейна в Берлин: принять его в действительные члены Прусской академии наук и предоставить ему освободившуюся после смерти в 1911 году нидерландского химика Якоба Хендрика Вант-Гоффа профессорскую должность академии с окладом в двенадцать тысяч марок в год, что соответствовало максимальному окладу ординарного университетского профессора. Это гарантировало, что Эйнштейн не будет искать другие места работы. Кроме того, решено пообещать ему в будущем место директора нового физического института в системе Общества имени кайзера Вильгельма.

Первым шагом этого плана должно было стать принятие Эйнштейна действительным членом Прусской академии наук. Заявление о выдвижении Эйнштейна кандидатом в академики подписали четверо из инициативной группы, так

как пятый — Фриц Габер — к тому времени ещё в состав Академии не входил. Соответствующий документ датирован 12 июня 1913 года и называется «Выдвижение Максом Планком А. Эйнштейна кандидатом на избрание действительным членом Академии наук»²¹.

Начинается документ торжественно: *«Нижеподписавшиеся члены академии имеют честь выдвинуть кандидатом в действительные члены Академии с особым персональным окладом 12000 марок ординарного профессора Федерального Политехнического института в Цюрихе доктора Альберта Эйнштейна»*²².

После этого идёт краткое описание жизненного пути кандидата, родившегося в марте 1879 года в Ульме, выросшего в Мюнхене, с 1901 года гражданина Цюриха. Отмечается, что ещё задолго до защиты диссертации он публиковал научные работы, будучи с 1902 по 1909 годы техническим экспертом в Федеральном патентном ведомстве Швейцарии в Берне. Только в 1905 году он защитил диссертацию в Цюрихском университете, вторую диссертацию защитил в 1908 году в Берне, после чего в 1909 году последовало назначение его экстраординарным профессором в Цюрих, на следующий год — ординарным профессором в Немецкий университет в Праге, откуда он в 1912 году вернулся в Цюрих ординарным профессором Политехникума.

Далее авторы документа подчёркивают научные заслуги кандидата: *«Своими работами в области теоретической физики, опубликованными, главным образом, в журнале „Annalen der Physik“, Эйнштейн уже давно снискал мировую славу в кругу коллег-теоретиков»*²³.

Отмечается, что наиболее широкая известность пришла к Эйнштейну после его знаменитой статьи 1905 года об электродинамике движущихся тел²⁴. В этой работе нашло объяснение противоречие между классической лоренцевской теорией, опирающейся на концепцию неподвижного эфира, и результатами экспериментов о независимости скорости света от направления движения источника. Представленная в указанной работе теория относительности рассматривает время как равноправную с тремя пространственными координатами перемен-

ную, радикально изменив господствовавшие взгляды на пространство и время.

В документе о выдвижении Эйнштейна в члены Прусской академии подчёркиваются и другие научные заслуги кандидата, в частности, его работы по объяснению фотоэлектрического эффекта на основе квантовой гипотезы, выдвинутой Максом Планком. Подводя итог, авторы документа пишут: *«Среди великих проблем, которыми так богата современная физика, едва ли найдётся хоть одна, в отношении которой Эйнштейн не занял бы свою, весьма достойную внимания позицию»*²⁵.

Правда, Эйнштейн иногда ошибается, добавляя авторы документа, приводя в пример гипотезу световых квантов²⁶, но, по их словам, судить строго за это не нужно, так как *«никакое существенное*

²¹ Planck Max u. a. Wahlvorschlag für A. Einstein zur Aufnahme als ordentliches Mitglied in die Akademie d. Wiss. von M. Planck. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin 1913—1933, S. 95—97. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979.

²² Там же. S. 95.

²³ Там же.

²⁴ На русском языке: Эйнштейн Альберт. К электродинамике движущихся тел. Собрание научных трудов в четырёх томах. Том I, с. 7—36. — М.: Наука, 1965.

²⁵ Planck Max u. a. Wahlvorschlag für A. Einstein zur Aufnahme als ordentliches Mitglied in die Akademie d. Wiss. von M. Planck. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin 1913—1933, S. 95—97. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979. S. 96.

²⁶ Это замечание отражает критическое отношение Макса Планка к световым квантам Эйнштейна, характерное для первого десятилетия XX века. В последующем Планк изменил своё мнение.

²⁷ Planck Max u. a. Wahlvorschlag für A. Einstein zur Aufnahme als ordentliches Mitglied in die Akademie d. Wiss. von M. Planck. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin 1913—1933, S. 95—97. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979. S. 96.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. S. 97.

³⁰ Planck Max. Protokoll der Sitzung der phys.-math. Klasse d. Akademie d. Wiss. vom 12 Juni 1913. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin. 1913—1933, S. 97—98. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979. S. 98.

³¹ Planck Max. Protokoll der Sitzung des Plenums der Akademie d. Wiss. vom 10. Juli 1913. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin. 1913—1933, s. 98—99. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979. S. 98.

новшество не может быть введено в точные науки без риска»²⁷.

В настоящее время, сообщают академики, кандидат интенсивно работает над теорией гравитации, окажутся ли его усилия успешными, покажет будущее. Предупреждая возражения, основанные на возрасте кандидата, инициаторы его выдвижения пишут: «*Нижеподписавшиеся прекрасно понимают, что их предложение о принятии в действительные члены Академии столь молодого учёного является необычным, но они считают, что оно не только достаточно оправдано необычными обстоятельствами, но и прямо в интересах Академии использовать представившуюся возможность приобрести такого мощного члена*»²⁸.

Заканчивается этот объёмный документ высказанным твёрдым убеждением, что приём такого выдающегося учёного в благороднейший научный институт государства является своевременным и будет рассматриваться всеми физиками планеты как особенно ценное приобретение Академии.

В тот же день, 12 июня 1913 года, состоялось заседание физико-математического класса Академии наук Пруссии. В протоколе заседания, подписанном Максом Планком, вторым пунктом говорится о выборах нового члена Академии: «*Нижеподписавшийся огласил совместное с господами Нернстом, Варбургом, Рубенсом заявление об избрании в настоящее время профессора Политехнического института в Цюрихе доктора Альберта Эйнштейна действительным членом Академии с особым персональным окладом 6000 марок*»²⁹.

Читателя может удивить расхождение в окладе будущего академика — в упомянутом выше заявлении четырёх академиков фигурировала сумма вдвое больше. Это расхождение прояснил Вальтер Нернст в своём конфиденциальном выступлении на заседании физико-математического класса. Он передал устное обязательство известного мецената, коммерции советника Коппеля, в течение двенадцати лет выплачивать ежегодно ещё 6000 марок, чтобы обеспечить новому члену Академии суммарный оклад, указанный в заявлении о приёме. Однако собрание решило иначе. После Нернста высту-

пил академик Шварцшильд, заявивший о своём согласии с предложением об избрании Эйнштейна, а затем господа Фишер и Вальдейер поставили вопрос, не было бы для престижа Академии лучше целиком выплачивать Эйнштейну оклад в 12 000 марок, а 6000 марок от господина коммерции советника Коппеля считать пожертвованием в фонд Академии. Это предложение нашло принципиальное одобрение со стороны физико-математического класса, но должно быть рассмотрено специальной комиссией по использованию финансов. Господину Нернсту поручается связаться с господином Коппелем и получить его согласие на новое предложение Академии. Заседание финансовой комиссии и последующее голосование в физико-математическом классе назначено на 3 июля³⁰.

Далее всё шло по намеченному плану. Новое заседание физико-математического класса состоялось 3 июля, и в протоколе заседания, подписанном Планком, вторым пунктом зафиксированы решения, связанные с избранием нового члена Академии. Так как предложение четырёх академиков чётко связывало избрание Эйнштейна с твёрдо установленным окладом, вопрос был передан на рассмотрение финансовой комиссии физико-математического класса. Комиссия предложила установить новому члену Академии оклад в 12 000 марок, однако с условием, что если господин Эйнштейн в дальнейшем начнёт получать оклад ещё в одной организации, другими словами, его деятельность не будет ограничена одной Академией, то в этом случае договор Академии с ним теряет силу и должен быть составлен новый договор. По конфиденциальному сообщению господина Нернста, господин коммерции советник Коппель в течение двенадцати лет будет ежегодно со своей стороны жертвовать Академии половину установленного Эйнштейну оклада. Класс единогласно одобрил предложение финансовой комиссии и перешёл к голосованию. Результаты голосования таковы: «*За кандидата был подан 21 белый шар и один чёрный против. Так как абсолютное большинство составляет 15 голосов, то выборы признаются состоявшимися и их результаты будут переданы пленарному заседанию Академии*»³¹. →

Пленарное заседание состоялось через неделю — 10 июля 1913 года. Протокол его подписан тоже Максом Планком, одним из четырёх непререкаемых секретарей Академии. Пункт 10 протокола гласит: «*Нижеподписавшийся зачитал выписку из протокола (заседание физико-математического класса от 10 июля 1913 года), касающуюся избрания господина профессора Эйнштейна в Цюрихе действительным членом Академии, включая назначение специального персонального оклада, и конфиденциальное сообщение господина Нернста о планируемом пожертвовании господина коммерции советника Коппеля. По желанию Академии нижеподписавшийся зачитал письменное заявление четырёх академиков о выдвижении Эйнштейна*»³².

Пленум Академии подтвердил условие персонального оклада Эйнштейна в 12 000 марок, сохраняемого до тех пор, пока он не будет получать какой-либо оклад в другом месте. Положенные академику 900 марок в год за Эйнштейном сохранялись в любом случае.

Некоторые академики высказали озабоченность тем фактом, что в избрании нового члена Академии косвенно участвует постороннее лицо — коммерции советник Коппель. Тогда Нернст и Планк заверили собравшихся, что мотивы избрания Эйнштейна академиком никак не связаны со средствами получения денег для его оклада. Пленум поручил объединённой финансовой комиссии Академии рассмотреть вопрос оклада нового члена без участия пожертвований со стороны.

Итак, члены Академии, за исключением одного, высказались за принятие Эйнштейна в свои ряды. Теперь настала очередь познакомиться самого новоиспечённого академика с этой новостью. Зная независимый характер автора теории относительности, нельзя было быть уверенным, что предложение берлинских академиков будет ему по душе. Оформление нового действительного члена Прусской академии ещё не закончилось. Нужно было дождаться решения объединённой финансовой комиссии Академии и представить решение Министерству культуры, науки и образования, а потом на окончательное утверждение кандидатуры кайзером, точнее королём

Пруссии, но в то время обе эти позиции занимал один человек.

Тянуть было нельзя, так как в августе и сентябре у членов Академии намечался отпуск, поэтому Макс Планк и Вальтер Нернст с супругами уже на следующий день после пленарного заседания Академии, в пятницу 11 июля 1913 года, отправились ночным поездом из Берлина в Цюрих³³. В субботу состоялась встреча Эйнштейна с берлинскими академиками, на которой перед цюрихским профессором были раскрыты все карты: к преимуществам члена и профессора Академии с высоким окладом и свободой заниматься наукой, хотя и с возможностью в это время читать лекции студентам, Планк и Нернст добавили ещё одну привлека-

³² Planck Max. Protokoll der Sitzung des Plenums der Akademie d. Wiss. von 10. Juli 1913. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin. 1913—1933, s. 98—99. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979. S. 98.

³³ В книге Хуберта Гёнера «Эйнштейн в Берлине» (Goenner Hubert. Einstein in Berlin. 1914—1933. — München: Verlag C. H. Beck, 2005) ошибочно написано, что поездка Планка и Нернста в Цюрих состоялась до общего собрания Академии, утвердившего избрание Эйнштейна, хотя мы видим, что берлинские академики выехали на следующий день после пленума.

³⁴ Матери Эльзы и Альберта были родными сёстрами, а отцы — двоюродными братьями. Так что Эльза и Альберт были одновременно двоюродными и троюродными братом и сестрой.

³⁵ Беркович Евгений. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века. — М.: URSS, 2018.

³⁶ Planck Max. Protokoll der Sitzung des Gesamtgeldverwendungsausschusses der Akademie der Wiss. vom 24. Juli 1913. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin. 1913—1933, S. 99. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979. S. 99.

³⁷ Адресат письма точно не установлен.

³⁸ Planck Max. Schreiben von M. Planck an [?] in Kultusmin. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin. 1913—1933, S. 100. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979.

³⁹ Planck Max u. a. Wahlvorschlag für A. Einstein zur Aufnahme als ordentliches Mitglied in die Akademie d. Wiss. von M. Planck. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin 1913—1933, S. 95—97. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979.

⁴⁰ Roethe Gustav. Schreiben des Vorsitzenden Sekretars der Akademie d. Wiss., G. Roethe an A. Einstein, Zürich. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin. 1913—1933, S. 101. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979.

тельную подробность: Эйнштейну обещали должность директора Физического института Общества имени кайзера Вильгельма, как только он в будущем будет создан. На размышления Эйнштейну дали сутки — вечером в воскресенье гости уезжали ночным поездом в Берлин, а перед этим хотели бы увидеть будущего академика на перроне среди провожающих. Договорились об условном знаке. Если Эйнштейн помашет отъезжающим белым платком, то предложение из Берлина принято. Если нет, так нет.

К всеобщему удовольствию белый платок появился на перроне, профессор Политеха не возражал против берлинских условий, теперь оставалось завершить все формальности по его избранию в Академию. У Эйнштейна была ещё одна сугубо личная причина стремиться в Берлин: там жила его кузина Эльза, урождённая Эйнштейн³⁴. Роман Альберта с ней стремительно набирал обороты. Впоследствии Эльза станет его второй женой, с ней он в 1933 году уедет навсегда в Америку. Подробности их отношений описаны в моей книге «Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века»³⁵.

Объединённая финансовая комиссия, рассматривавшая вопросы, общие для двух классов (физико-математического и философско-исторического), собралась на заседание через две недели после пленарного заседания Академии — 24 июля 1913 года. Единственный пункт повестки дня касался особого персонального оклада кандидата в академики Альберта Эйнштейна. В протоколе, как обычно подписанном Максом Планком, утверждается, что имеющийся в наличии свободный фонд заработной платы Академии составляет 30 750 марок. Из них на оклады новых академиков предусмотрены такие суммы: фон Ауверсу (von Auwers) 10 500 марок, Энглери (Engler) — 2250 марок, Фишеру (Fischer) — 900 марок. Итого — 13 650 марок. Остаток, имеющийся в наличии, — 17 100 марок.

После недолгих дебатов объединённая финансовая комиссия Академии единогласно пришла к такому решению: одобрить выделение 12 000 марок на оклад господина Эйнштейна³⁶.

Итак, задачи первого этапа операции «Избрание Эйнштейна членом Прусской

академии» успешно выполнены: ещё до летних отпусков Академия проголосовала за приём нового члена и согласовала его особый оклад. Теперь настала очередь подключить к завершению операции министерство культуры, науки и образования, ведь оклады государственным служащим, какими являлись профессора и академики, утверждались им. Министерство же готовит указ Прусского короля о назначении нового академика. Для представления нового кандидата нужны данные о его научных заслугах. Их министерство запрашивает у Академии. Отвечая на этот запрос, Макс Планк пишет письмо в министерство от 7 октября 1913 года: *«Глубокоуважаемый господин профессор³⁷, по Вашему желанию представляю Вам материал, который может быть использован для оценки научных заслуг господина профессора Эйнштейна»³⁸*.

Само письмо, по сути, повторяет аргументы из предложения четырёх академиков от 12 июня 1913 года³⁹. Далее шла обычная бюрократическая министерская процедура, и, наконец, 12 ноября того же года король Пруссии, он же император Германии, утвердил назначение нового академика. План, разработанный Габером, Планком, Нернстом, Рубенсом и Варбургом, завершился полным успехом! Об этом Академия в лице одного из своих четырёх неперменных секретарей информировала нового академика: *«Многоуважаемый господин, по заданию Королевской Академии наук имею честь Вам сообщить, что она избрала Вас действительным членом её физико-математического класса и этот выбор его величество император и король утвердил высочайшим указом от 12 ноября этого года; теперь я прошу Вас ответить, принимаете ли Вы этот выбор?»⁴⁰*

Далее недавно назначенный неперменным секретарём философско-исторического класса и исполняющий на тот момент обязанности главного неперменного секретаря Густав Рёте сообщает Эйнштейну, что министерство культуры, науки и просвещения принимает на себя все расходы по переезду нового академика в Берлин. В письме подтверждается особый оклад профессора Академии в 12 000 марок в год в дополнение к стандартному денежному поощрению академика в 900 марок в год. Остальные социальные

льготы, включая пенсию вдове по случаю потери кормильца, устанавливаются на уровне льгот, положенных профессору университета.

Ответ Эйнштейна не заставил себя долго ждать: уже 7 декабря 1913 года он пишет в министерство, что с благодарностью принимает выбор Академии. Отдельную благодарность он приносит за предложение такого места работы, которое свободно от всех иных обязанностей, кроме научной работы. Эйнштейн выразился очень образно: *«Если я гумаю о том, что каждый рабочий день показывает слабость моих сил, то я не могу без известной робости принимать любую высокую награду. Но мысль о принятии выбора Академии меня ободряет, так как от человека не требуется ничего иного, кроме того, чтобы он все силы посвятил доброму делу; и к этому я чувствую себя вполне пригодным»*⁴¹.

С благодарностью отмечает он предоставленную ему свободу выбрать дату своего переезда в Берлин и начала работы в Академии. Он заявляет о готовности вступить в новую должность в первых числах апреля 1914 года⁴².

Эйнштейн выполнил своё обещание — в апреле 1914 года он был уже с семьёй в Берлине и начал выполнять обязанности академика. В конце декабря того же года он представил в министерство счёт своих расходов на переезд: 515 марок за перевозку мебели и 150 марок за железнодорожные билеты на всю семью, итого 665 марок — столько стоило берлинскому министерству культуры, науки и образования привлечение Эйнштейна в немецкую столицу⁴³. Отдачу учёного мировой, немецкой и, в частности, берлинской науке трудно переоценить.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭЙНШТЕЙНА В ПРУССКОЙ АКАДЕМИИ

Годы, когда Эйнштейн занимал место профессора Прусской академии, были наиболее продуктивными в его жизни. Не только щадящий режим работы, когда ничто не отвлекало его от научного труда, был тому причиной. Крайне важной для Эйнштейна была возможность постоянно общаться, обсуждать проблемы, обмениваться идеями, выслушивать критику

и получать советы от коллег его уровня. Нигде больше не было такой богатой гениями научной среды, как в Берлине первой трети XX века.

Когда это было возможно, Эйнштейн старался принимать участие практически во всех академических заседаниях, семинарах, коллоквиумах, проводимых в немецкой столице. Очень ценными для него были постоянные дискуссии с академическими коллегами, прежде всего, с Максом Планком, Вальтером Нернстом, Максом фон Лауэ, но также с представителями смежных наук, такими, как астрономы Карл Шварцшильд, Герман Струве, геофизик Адольф Шмидт, классический филолог Герман Дильс...

Автор общей теории относительности, завершённой в его берлинский период, дорожил местом работы и возможностями, которыми оно располагает. Когда в 1918 году он получил совместное предложение Цюрихского университета и Цюрихского Политехникума занять общую профессорскую кафедру, то после недолгого раздумья отказался, так как *«не хотел бы расставаться со своими превосходными коллегами»*⁴⁴. Точно так же он отказался

⁴¹ Einstein Albert. Schreiben von A. Einstein an die Akademie d. Wiss. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin. 1913—1933, S. 101—102. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979.

⁴² Там же. S. 102.

⁴³ Einstein Albert. Schreiben von A. Einstein an das Kultusmin. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin. 1913—1933, S. 106. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979.

⁴⁴ Treder Hans-Jürgen. Einstein an der Berliner Akademie. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin. 1913—1933, S. 7—78. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979. S. 9.

⁴⁵ Goenner Hubert. Einstein in Berlin. 1914—1933. — München: Verlag C. H. Beck, 2005. S. 185.

⁴⁶ Treder Hans-Jürgen. Einstein an der Berliner Akademie. В книге: Hans-Jürgen Treder (Hrsg.). Albert Einstein in Berlin. 1913—1933, S. 7—78. — Berlin: Akademie-Verlag, 1979. S. 9.

⁴⁷ На русском языке: Пайс Абрахам. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / Пер. с англ. В. И. и О. И. Мацарских. Под редакцией А. А. Логунова. — М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1989.

⁴⁸ Цитируется по: Пайс Абрахам. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / Пер. с англ. В. И. и О. И. Мацарских. Под редакцией А. А. Логунова. — М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1989. С. 229.

от предложения стать профессором в Лейдене, Оксфорде и Пасадене.

В трудные для Эйнштейна 1920-е годы, когда усилилась антисемитская травля и многие советовали ему уехать из страны, он ответил министру культуры, науки и образования Хенишу, что остаётся на своём посту, так как *«Берлин — это то место, с которым я, благодаря человеческим и научным отношениям, сроднился больше всего»*⁴⁵.

Эйнштейн с первых дней показал себя прилежным и дисциплинированным членом Академии. Он пропускал заседания своего физико-математического класса только из-за болезни или когда был в отъезде. При этом на заседаниях в Академии он был активен, часто сам выступал с докладами и сообщениями. Вот весьма убедительная статистика. С 1914 по 1932 годы, когда Эйнштейн пребывал в Берлине, состоялось 326 пленарных заседаний Прусской академии наук, из которых Эйнштейн посетил 191. В тот же временной период состоялось 319 заседаний физико-математического класса, он участвовал в 183 из них. В этих заседаниях он сам сделал 23 доклада и 33 раза его работы представляли его коллеги — Макс Планк или Макс фон Лауэ. На основании этих выступлений в трудах Академии было опубликовано 44 статьи, которые нередко по указанию академика-секретаря печатались отдельными брошюрами немалыми тиражами. Кроме того, Эйнштейн предложил к публикации 16 работ других авторов, сам представлял работы большого Шварцшильда, от имени Академии приветствовал новых членов, среди них Дебая (1920), Зоммерфельда (1920), Нильса Бора (1922), Леви-Чивита (1929)⁴⁶.

Эйнштейн участвовал во множестве академических комиссий и комитетов. Когда в 1917 году он занял давно обещанное место директора Физического института Общества имени кайзера Вильгельма, то смог руководить большими научными проектами. Так, по его инициативе была создана обсерватория «Башня Эйнштейна» в Потсдаме, директором которой стал тот самый астроном Эрвин Фройндлих, первым попытавшийся экспериментально проверить выводы общей теории относительности. Более подробно об этом рассказано в моей статье «Почему Эйнштейн

не сослался на опыт Майкельсона?» (см. «Наука и жизнь» № 3, 2022 г.).

Если бы не приход к власти нацистов, Эйнштейн вряд ли бы решился навсегда покинуть Берлин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Терпеливый читатель, дошедший до этого места в статье, хорошо представляет себе процедуры назначения на профессорские должности в университетах и академиях Германии. Надеюсь, что он теперь с осторожностью отнесётся к фактам, изложенным в работах тех авторов, которые утверждают, будто Эйнштейн был профессором Берлинского университета. Но я должен признать, что мой критерий распознавания невежд работает не всегда корректно. К сожалению, обсуждаемое утверждение встречается и в работах уважаемых авторов, прекрасно разбирающихся в научном творчестве Эйнштейна, но не очень чётко представляющих себе особенности устройства научной жизни в Германии XIX—XX веков. Обычно это авторы из англоязычных стран, в которых карьера научных работников строится не так, как у жителей немецкоговорящего региона Европы. Наиболее яркий пример — научная биография Эйнштейна, написанная его хорошим знакомым Абрахамом Пайсом⁴⁷. С точки зрения анализа научного творчества Эйнштейна — это, безусловно, одна из лучших биографий учёного. Но там, где речь идёт об особенностях научного ландшафта именно в Германии или Швейцарии, у Пайса случаются досадные сбои. Например, говоря о предложении, сделанном Эйнштейну Максом Планком и Вальтером Нернстом в Цюрихе, Пайс пишет: *«Весной 1913 г. в Цюрих приехали Планк и Нернст; целью их визита было узнать у Эйнштейна, не хочет ли он переехать в Берлин. Ему сделали сразу несколько предложений — стать членом Прусской академии наук с персональным окладом, наполовину финансируемым прусским правительством, наполовину — физико-математическим отделением из внешних фондов, профессором Берлинского университета с правом преподавания, но без обязательной учебной нагрузки, и директором будущего физического института»*⁴⁸. →

Здесь неточно указано время поездки, как мы знаем, она состоялась не весной, а 11 июля, сразу после пленарного заседания Академии. Но это мелочь. Главное, тут опять фигурирует «профессор университета», то есть должность, назначение на которую осуществляется совсем по другой технологии, по сравнению с тем, что предлагали Планк и Нернст.

И ещё в одном месте Пайс показывает незнание специфики научного роста в немецкоязычном регионе Европы. Говоря о неудачной попытке защиты второй диссертации Эйнштейна, Пайс пишет: «По каким-то причинам Эйнштейн не выполнил одного требования: он не приложил к заявлению ещё не опубликованную статью. Поэтому удовлетворение его прошения было отложено до того времени, когда он сочтёт возможным её представить»⁴⁹.

Можно подумать, что Эйнштейн из-за рассеянности или лени не представил новую диссертацию, нарушив правила. А на самом деле, в правилах защиты диссертаций и в Швейцарии, и в Германии был пункт, позволяющий защищаться «по совокупности работ», если научные достижения кандидата были выдающимися. Эйнштейн после триумфальных работ 1905 года имел все основания рассчитывать, что его случай подпадает под это правило, и не его вина, а консерватизм и узость взглядов профессоров Бернского университета не позволили ему сразу получить вторую докторскую степень и звание приват-доцента.

Пайс показывает своё незнание процедуры хабилитации ещё и тем, что не упоминает о пробной лекции, которую обязан был прочитать претендент на «*venia legendi*», или «*venia docendi*», то есть на разрешение читать лекции студентам. Пробная лекция читается

кандидатом перед профессорами и преподавателями университета, и они решают, достоин ли кандидат звания приват-доцента или нет. По Пайсу, всё было просто: «Но как бы то ни было он, наконец, послал в Берн требуемую правилами работу и 28 февраля получил извещение о том, что прошение удовлетворено и молодому доктору Эйнштейну предоставлено *venia docendi*, право преподавания»⁵⁰.

На самом деле защита второй диссертации и получение *venia docendi* проходили не так. Эйнштейн, вначале справедливо обидевшись на перестраховавшихся профессоров Бернского университета, решил вообще не защищать вторую диссертацию, но потом всё же не стал упрямиться и написал ещё одну работу, которую подал как вторую диссертацию. Теперь всё прошло как по маслу: пристыженные профессора университета, испугавшиеся своего прежнего решения отказать учёному, уже получившему мировое признание, на этот раз сработали оперативно. В понедельник 24 февраля 1908 года состоялось заседание Учёного совета философского факультета Бернского университета, утвердившего единогласно диссертацию Эйнштейна, далее в четверг 27 февраля состоялась необходимая для *venia legendi* пробная лекция кандидата перед профессорами. Тема лекции — «Границы применимости классической термодинамики». После чего декан собственноручно написал письмо в Департамент образования кантона Берн, что факультет единогласно проголосовал за выдачу Эйнштейну лицензии на право преподавания. Уже в пятницу 28 февраля лицензия была выдана. Вся операция заняла неделю. А ещё говорят, что жители Берна — самые медлительные в мире!

Вот эти детали Абрахам Пайс упустил из виду, хотя в остальном он чрезвычайно точен и пунктуален.

Как оценить такие сбои у наиболее информированного биографа Эйнштейна, какие слова подобрать? На ум приходит известная фраза «Nobody's perfect!»⁵¹ из старого американского фильма «Some Like It Hot»⁵² и совет мудрого Декарта: «Подвергай всё сомнению!» Мне кажется, что с этим советом охотно согласился бы и сам Эйнштейн.

⁴⁹ Цитируется по: Пайс Абрахам. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / Пер. с англ. В. И. и О. И. Мацарских. Под редакцией А. А. Логунова. — М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1989. С. 117.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ «Никто не совершенен» (англ.).

⁵² В русском варианте: «В джазе только девушки».